ДЕКАБРЬ 1927 № 47 ЦЕНА 15 КОП.

Рис. И. Малютина

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

„... Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог...“

ЗАБОТА О ПОТРЕБИТЕЛЕ

Рис. Б. Малаховского

— Странная очередь.
— А это я подбираю ассортимент товара. Вот и подобрал молодцов по номерам на разные размеры!

СКАЗОЧКА

Жил был дурак, и он учился в университете, желая стать врачем. Содержимое его головы, однако, отнюдь не представляло собой почвы, на которой зерно науки могло бы дать тучный всход. Проучившись десять лет, он не был в состоянии отличить трахому от дизентерии и из всей латинской премудрости твердо усвоил только одно: „Тифус неопределенус". Много раз его проваливали на экзаменах, много раз ему советовали бросить университет и стать барабанщиком на карусели или наняться глотать шпаги в цирк. Но дурак был неумолим и продолжал учиться, повергая в трепет весь факультет.

В конце концов он до смерти надоел профессорам, и чтобы избавиться от убоища, ему решили выдать диплом и выпустить его в свет. Но чтобы он не позорил потом высокого лекарского звания и не причинял бы особого вреда больным — к диплому ему дали еще сундучек с готовыми латинскими рецептами безобидных средств и лекарств, одинаково годных к употреблению и при грыже, и при оспе, и при лишаях на голове. Главным образом это были слабительные средства и капли датского короля на переваренной воде.

Дурак снял квартиру, вывесил дощечку на дверях и начал практиковать. Он не умел различать болезней, и когда к нему приходили за советом, не глядя вытаскивал на угад и давал пациенту первую попавшуюся бумажку из университетского сундучка с рецептурой. Но чудесным образом получалось все время так, что эти его лотерейные билетики приносили пользу людям. Однажды он прописал датские капли дьячку, которого мучали фурункулы на шее; дьячек, взяв капли в аптеке, решил запить их стаканчиком ерофеича в чайной.

Выпив стаканчик, он спросил другой, потом стал петь жалостную песню про сырую могилу, а спев подрался с городским биндюжником Копелем, который известен был искуством жать мизинцами медные пятаки. Ударив дьячка по затылку, Копель здоровенной своей ручищей раздавил ему сразу все три фурункула на шее; избавившись от страданий, дьячек не уставал впоследствии прославлять чудесные докторские капли и всегда бесплатно поминал дурака, вынимая на обеднях частицы за здравие.

Другой раз, вытянув очередную бумажку из сундука, дурак велел ставить банки купчихе, которая жаловалась на отсутствие детей; и купчиха действительно родила вскоре грандиозного младенца четырнадцати фунтов весом и с бородавочкой в ухе, точь в точь, как у фельдшера, три месяца в вечерне ходившего в этот дом с банками в холщевом мешке. Купец остался недоволен этим совпадением, но об'яснил его несовершенством науки, и опубликовал благодарственное и прочувствованное письмо к дураку в ведомостях местной городской управы.

К письму присоединились многие получавшие рецепты из сундучка и выздоровевшие; они выздоравливали сами по себе, но были уверены, что обязательно померли бы, ежели бы не принимали прописанных пилюль перед едой и не пили бы баталинской воды по утрам.

Как-то, наконец, дурак прописал валерьянку старичку, болевшему ревматизмом; старичек держал шесть лабазов в мучных рядах и ему было жалко помирать и оставить капитал детям, кружившим вокруг него, как ястреба над куропаткой.

В рецепте было сказано, что старичку надобно принимать по двенадцати капель в **в о д е**; поняв сие буквально, дрожа и изнемогая, он садился каждый день, чтобы принять капли, в кадку с водой в амбаре. Вскоре старичек помер, опухши, и лабазы достались детям; благодарное семейство поднесло дураку именной сервиз и венок из серебра, и повсюду распространило слух, что его указания значительно помогают не только в медицинских, но и в житейских делах.

Тогда отовсюду повалил к дураку народ за советами. Одни справлялись об урожае, другие жаловались на бедность, третьи желали отелить корову, четвертые спрашивали, выдавать ли, доверившись свахе, дочь замуж. И дурак всем раздавал бумажки из сундука, чтобы делали, ежели хотят удачи, то, что в бумажках сказано.

Так, пришел к нему однажды за советом мужик, у которого украли лошадь цыгане. Дурак пошарил в сундучке, вынул рецепт и велел итти с ним в аптеку.

В аптеке мужика отвели в заднюю комнату и поставили ему клизму с мылом. Пошел мужик домой и, конечно, серый человек никак не может понять, к чему ж это его, чтобы найти вора, водой накачали. По дороге у него так закрутило вдруг в животе, что даже пот прошиб и в пятки стрелять стало. Спустился тогда мужик, чтобы присесть по своему делу, под мост — и вдруг, видит, стоит под мостом его лошадь и жует с голодухи плесень на стропиле. За город вывести ее цыгане еще не успели и до ночи оставили, как потом оказалось, под мостом.

Отвязал мужик, справившись с делами, лошадку и поехал назад через город, и на душе у него легко и тело у него легкое, как в страстной пост, и он всем рассказывает про чудесное средство и свою чудесную судьбу: конечно, с простой воды такое получиться не может, видать, научная была вода, знаменитая...

И с тех пор слава дурака выросла еще больше и укрепилась окончательно.

А. Зорич

ОСОБА

Все уборщицы шарахаются от курьера главы Андрея Иваныча, как от автомобиля с пьяным шофером. Настя, хоть и жена, шарахается не меньше других. Очень уже строг и справедлив Андрей Иваныч:

— Анисья, почему у тебя из пепельницы гадость не вытрясена? На улицу захотела!

— Мишка, почему разноска не на месте?

Сотрудники, которые помельче, обрабатывают Андрея Иваныча на откровенность:

— Говорят, сокращения будут, Андрей Иваныч? Вы у самого в кабинете постоянно бываете... Что, обо мне не слыхали? Ничего не говорили?..

Сам секретарь не гнушается с Андреем Иванычем откровенной беседой:

— Андрей Иваныч, ты, уж, голубчик, понаблюди... Вчера, понимаешь, история вышла... Приходит какая-то фря. Самсго по имя-отчеству жарит... Я и впусти... А вышло, дамочка насчет протекции и вообще вертит. „Личная" на меня потом раскозырялась.— Зачем, кричит, разных допускаете!..

Андрей Иваныч солидно поглаживает подбородок:

— С дамочками, Петр Петрович, большая осторожность нужна. Она и духами в нос шибанет и начальство по имя-отчеству, а на поверку одна прокламация!.. Я, Петр Петрович, ихний пол вот как изучил!..

Сладкий холодок бежит по телу Насти, трепетно прислушивающейся к разговору.

Только на одно краткое мгновенье теплеет Андрей Иваныч. Это, когда к 12 пополудня являются в учреждение те самые видные работники, которых без доклада никогда не увидишь.

Андрей Иваныч загибается приятной запятой, и голос его рокочет бархатной лаской.

— А вчера тут вас, Алексей Николаевич, один рябоватый гражданин спрашивал...— Который, говорит,—товарищ по фронту... Очурков по фамилии...

— Гм... Что же ты не пропустил?..

— Побоялся обеспокоить, Алексей Николаевич! У вас совещание было с личным секретарем, Верой Леонидовной. Да они, гражданин Очурков, могут в другой раз прийти... Из безработных, заметно... Видом пообносившись, сапожки стоптанные... Без калош...

Начальство прохаживается по кабинету, бормочет, пожимает плечами:

— Гм!.. Вот оно!.. С фронта!.. Так и есть!...

Обернувшись к Андрею Иванычу, как бы вскользь бросает:

— Вот что, Андрей Иваныч, как в другой раз придет, понимаешь... У меня приема нет...

— Слушаю, Алексей Николаевич!

С просителями Андрей Иваныч разговаривает, как Юпитер:

— Не могу я об вас докладывать, гражданин, не узнавши в чем дело. Служебное, говорите, а коли служебное,—по коридору, вторая дверь... Да не сюда, сказано, вторая...

— Мне бы, отец, к самому пройтить!—дребезжит старушечий голос.

— А вам куда? За справкой, так в регистратуру...

— Да я уж, милый, все пороги обшмыгала... Зять, спасибо, надоумил. Вы бы, говорит, мамаша, к самому.

— К самому, гражданка, приему нет... Зайдите в середу...

Вечером Андрей Иваныч солидно кушает чай. Потом считает деньги. Чаевые отменены. Об этом „пережитке" даже вспоминать никто не вспоминает. Но... деньги как-то сами собой текут в карманы Андрея Иваныча, ибо он всемогущ: он может пропустить к начальству, может и отменить свидание на определенное время. А начальство в кабинете воображает, что посетители текут сами собой.

— Меня, небось, не сократят! — важно говорит Андрей Иваныч. — Я порядки знаю. Я сразу вижу, кого пустить, кого, — ворочай назад...

Во сне Андрей Иваныч сопит, как все простые смертные. Но и в сне его Насте чувствуется непоколебленное революцией сознание собственного достоинства.

И часы с башенным боем, благоприобретенные Андреем Иванычем в голодные годы на Сухаревке, выговаривают торжественно и чинно:

— О-соба!.. О-соба!.. О-соба!...

М. Андр.

В Англии с 1920 года выдано участникам мировой войны 13.466.821 медаль. Из них $^6/_8$ уже заложены.

МЕДАЛЬ И...

Рис. Ю. Ганфа

... ЕЕ ОБОРОТНАЯ СТОРОНА.

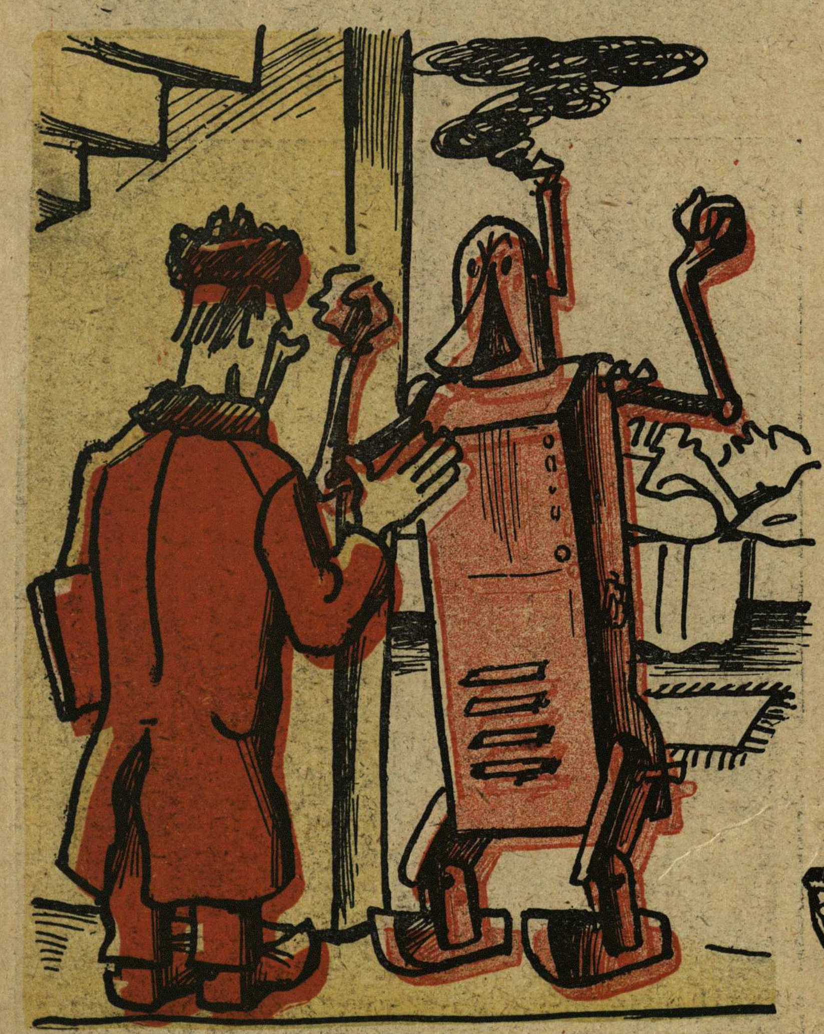
МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ ОБЫВАТЕЛЬ БУДУЩЕГО

Рис. Н Радлова

1. Машина делала за обывателя все: мыла его, чистила ему ботинки, причесывала ему волосы;

2. ...клала ему в рот завтрак, читала за него газету;

3. ... ругалась за него с домоуправлением по поводу неисправной уборной...

3. .. И только работать за него машина не могла, потому что работать более механически, чем он, было невозможно.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЕ

Красная газета сообщала на-днях, что в Европе существует теперь мода ставить памятники литературным типам. И будто уже поставлены памятники Дон-Кихоту, Шерлоку Холмсу и д'Артаньяку, тому самому, который из трех мушкетеров — четвертый.

Представляю я себе памятник хотя бы Шерлоку Холмсу. Стоит это чугунный Шерлок Холмс на мраморном пьедестале с трубкой в зубах и при исполнении служебных обязанностей: хватает за горло ужасного преступника, который сию минуту украл драгоценнейшее колье, длиною от Охотного до Страстной. Преступник от ужаса плюнул на колье, доктор Ватсон (барельефом и чуть-чуть пониже) записывает все происходящее для потомства. И на памятнике надпись:

> *Руки вверх!*
> *Шерлоку Холмсу — благодарные англичане.*

Легко себе представить, насколько такой монумент может украсить город!

Что бы и нам так украситься? Лично я сначала даже загорелся этой идеей. Но потом, как стал перебирать героев отечественной литературы, — малость простыл.

В самом деле, кого из персонажей даже классической русской литературы ни возьми, ну, то-есть, никак для памятника не подходит.

Начнем, разумеется, с Пушкина. Кажется, что уж симпатичней Татьяны Лариной? А как вы ее подадите в монументе? Мол, я другому отдана и буду век ему верна? Так ведь в наше время просто даже засмеют такой лозунг. Нет, не подходит Татьяна. А кто же подходит — Борис Годунов? Скупой рыцарь? Арап Петра Великого? Некому, прямо некому! Сумасшедшему мельнику или птичке божьей ведь не поставишь.

Возьмем Лермонтова. Откинем разных там черкесов, испанцев и прочих феодалов, откинем три пальмы и ветку Палестины,— что у нас остается? Ну, Мцыри остается— служитель культа. Демон еще — сам предрассудок. Боярин Орша, купец Калашников... Не придумывайте, некому, некому!

Перейдем к Гоголю. Опять плохо! Антисемит Тарас Бульба — лучшее, что есть. Потому что прочее — или мистика, или — отрицательные типы. В „Ревизоре", например, единственный положительный персонаж — жандарм. На одиннадцатом году революции как-то неудобно...

Тоже и с Толстым, Львом Николаевичем. И с Чеховым. И с Тургеневым. Тургеневских „чистых девушек" ставить на панель — это же только в насмешку можно.

А Достоевский? Прямо беда с его героями. Поставят, скажем, памятник бывшему князю Мышкину, а надпись какую придется высекать? „Идиоту—благодарные такие-то". То-то и оно!

Или, еще лучше, поставят статую Раскольникову.

— За что?—будут спрашивать прохожие,—за что этому молодому человеку — статуя?

— Он в свое время старушку одну прикончил, на то и статуя.

Согласитесь — неудобно!

Нет, еще раз — решительно наша литература отличается от прочей!..

В. Ардов

И ШВЕЦ, И ЖНЕЦ...

(Ералаш в 3-х несуразицах)

> *В Рудметаллторге зубной врач занимал пост по скупке железа и одновременно читал лекции по сифилису.*

ЛЕКЦИЯ. — Товарищи! Придется на сифилис надеть коронку. А в некоторых случаях мосты—единственное спасение, хотя этому мешает винный камень. Образовавшиеся в процессе язвы запломбировываются, и зуб для окружающих не опасен. Помните главное: предупредить легче, чем лечить!

СКЛАД ЖЕЛЕЗА. — Какая же это сталь? Не позор, а несчастье! Вся в язвах. Третья стадия, что ли? Вы аккуратнее с ней: мойте руки перед едой. Лучше изолировать от здорового железа. А на кровельном подозрительная сыпь. Жаль, у вас ртути нет. Впрочем, об этом до следующего раза.

ЗУБКАБИНЕТ. — Ну-с.. Откройте рот... М-да... Придется двутавровые балки поставить... Вот этот зуб—в лом. Из коренного нервную проволоку удалить придется: заржавела. А этим двум нужны заклепки. За всю партию—7 червонцев—50%—наличными остальные в кредит по открытому счету. Всего'

А. Стоврацкий

ОСТОРОЖНЕЙ!

Рогожско-Симоновский Наркодиспансер (Москва) устроил чествование бывших алкоголиков—пациентов Наркодиспансера, имеющих уже 2 и 3 годичный стаж трезвости.

Из газет.

Что же нам сказать об этом,
Подмочив слезою смех?
Наша страсть к пирам,
К банкетам
Станет притчею у всех!
Вот уж правда —души пылки,
Трели скрипок,
Гром речей!
Только что — тащи бутылки!
Только что — зови гостей!

* * *

Я слежу с тоской во взгляде
И шепчу, глотая вздох:
— Осторожней, бога ради,
Осторожней, братцы... ох!
Рассудите, в корень глядя,
Тут вопрос стоит остро!
Осторожней, бога ради,
Осторожней, осторо...
Петр Иваныч!
Петя!
Петя!
Успокойся... Вытри глаз!
Ну, зачем же тосты эти
Повторять по десять раз!

Не всегда же лезть на столик,
Не все время-ж повторять:
— Я, как бывший алкоголик...
Раз сказал... Довольно .. Сядь!
Не туда садись!
Ах, Петя!
Это-ж стол... А это стул...
(Но, забывши все на свете,
Петя ласково заснул).

* * *

Я соврал, даю вам слово,
(Слишком резвое перо)...
Но скажу, однако, снова:
— Осторожней, осторо...
Быстро рюмку отставляйте,
Будьте умными людьми:
На закуску налегайте,
На колбаску, чорт возьми!
Чтоб потом, щеку в румянец
Разукрасив свыше мер,
С юбилея бывших пьяниц
Не вернуться в диспансер!

Зубило

В МУЗЕЕ

Рис. Н. Радлова

— А вот Венера — богиня красоты...
— Должно, в свое время секретаршей была: с руками оторвали!

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Рис. А. Радакова

Шанхайская полиция прибыла в советское консульство спустя час после налета.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ:—Только что звонили из советского консульства о налете... Чтобы через два часа все были у меня готовы!..

КРАСНЫЙ УЖИН

Иван Иваныч был страшно озабочен. Как-то так вышло, что на праздник напросились в гости сослуживцы и все больше — партийные.

И в Иван-Иванычевом мозгу не уживались две мысли: во-первых, — праздник пролетарский и гости партийные, и, во-вторых, закуска и выпивка — мещанство.

— Как совместить несовместимое? — мучительно думал Иван Иваныч, видя неизбежное наступление праздника.

Осенило его в самый последний момент. Хитро улыбнувшись самому себе, он бодро вошел в залитый светом кооператив „Коммунар".

— Начнем с закуски, — решил он, подойдя к прилавку. — А ну-ка, свесьте мне полкило семги! Нет, не отсюда! Вон тот кусочек поярче будет...

— Тэк-с!.. Теперь икорки...

— Паюсной прикажете?

— Боже сохрани! Кетовой!.. Ветчинки — кило... Только, пожалуйста, весь жир срежьте, абсолютно весь... Вот этой красной капусты баночку...

— Колбаски свешать?

— Ммм... Не вполне соответствует... Не надо. Вот помидорчиков — дайте. Так. Теперь винца. Какое там у вас есть красное?

— Извольте-с: церковное!

— Нет! Нет! Нет! Что вы! — замахал руками Иван Иваныч. — Опиум! Не надо! Дайте вон то... № 5, что ли...

— А крепкого? Очищеной, белой?

— Белой?! Да вы обалдели, что ли: партийного человека в пролетарский праздник — и вдруг белой угощать!? Вот если б красная была!

— Так вы в нее клюквы надавите! Красно и крепко!

— Во! Это вот — да! Вешай фунт!

— Замечательно выдержанный вечер будет! И никакого мещанства! — ликовал Иван Иваныч, возвращаясь навьюченный домой.

По дороге он купил еще красный бумажный абажур.

А.

АТАКА РКИ

Рис. Б. Малаховского

Главхим упорно не проводит сокращения управленческого аппарата, который чрезмерно разбух.

— Еще один штурм, — и их ряды поредеют!

СТОЛБ ОКАЯННЫЙ

(Показание обвиняемого)

Граждане судьи пролетарского производства законных дел! Конечно, как я крестьянского роду и сознательного положения, не должен был делать этого технического преступления, но раз попался,— так попался. Тут, милые мои, конечно, надо понимать это по высшим соображениям строительства. Значит, кто и что строит, ежели вдруг приспичит для окончания ремонта.

Так все вышло, что и сам не ожидал. Этот столб телеграфный я, конечно, заприметил, когда на мельницу на своей кобыле с рожью поехал.

Еду по тракту, покуриваю, поглядываю, а сам о ремонте избы своей прикидываю: где бы мне, мол, сухое, еловое бревно достать на девять аршин с четвертью. Смотрю, значит, в сторонке, на тракту, этот самый окаянный телеграфный столб лежит, как барин, будь он трижды проклят. Я и говорю себе: вот бы мне такой в точности и надо. Сухой, еловый, гладкий, заманчивый.

Остановил я кобылу, слез, подошел, постукал кнутовищем, вздохнул с сожалением, смотрю,— распрекрасный столб, да только телеграфный, по части тоже, значит, ремонта. Смерил четвертями, вот этими пальцами, вышло на девять аршин с половиной. Красота, а не столб, да только, говорю я,— телеграфный, по науке строительства, для проведения проволоки. Ну, конечно, сел и поехал на мельницу. Смолол восемь пудов и обратно по своей принадлежности.

Еду, конечно, покуриваю и о ремонте избы своей соображаю: надо, дескать, торопиться по случаю зимнего холода, а бревна нет. Ребятишки обязательно мерзнуть опять будут и прочее недовольство от бабы. Ладно. Смотрю, а этот столб окаянный опять на глазах лежит и, будто нечистый, говорит: „Возьми, Егор, возьми меня". Что тут будешь делать? Остановился я, почесался, обратился к сознательному положению честного гражданина, проматерил свою душу и поехал домой.

С какой, мол, стати я тебя, дурака, в свой ремонт возьму, раз ты положен для телеграфного производства? Так и решил не прикасаться к этому спекулянтскому преступлению. Не такие, мол, ценности в сторонке видал, да и то никогда не трогал. После этого, значит, спать лег, а поперек башки опять же окаянный столб стал и стоит. Уснуть никак, нет покоя.

И опять же будто нечистый говорит: „Возьми меня, Егор, возьми". Ну, что будешь делать? Ведь, бывает, конечно, с человеком разное происхождение. Ежели, скажем, купить, по совести, этакий столб, так он, граждане судьи, три целковых с кишками стоит, сами знаете эту пропорцию.

Засел этот окаянный столб в голову, будто заноза, и ничего, окромя этого телеграфного столба, в мозгу не стало. Утомился я от такого обстоятельства ужасно. Задумчивость напала неуемная. Пошел, конечно, по деревням странствовать: нет ли у кого подходящего бревна? У всех перебывал. Нет и нет, и быть не может. А у самого в башке знакомый столб стоймя-стоит и говорит: „Возьми, да возьми". Ну, что тут сделаешь путного? И жизнь не в жизнь пошла без этого окаянного столба. Вспомнить страшно, как задумался.

Соседи, значит, о делах, о машинах, о кооперации, о выборах, об Англии говорят, а я как дурак, о телеграфном столбе этом шибко заскучал, затомился, загоревал. Пойду, мол, попроведаю. Погляжу только, повидаюсь.

А как пришел, посмотрел на него, сердешного, как сел на него и пощупал,— так ровно, честное слово, товарищи, ровно с самолучшим приятелем увидался. Прямо хоть в обнимку бери и в избу неси. Зуд такой чудесный прохватил, что и совесть свою сознательную за пояс заткнул. А он, конечно, говорит: „Возьми, да возьми".

Ошалел я тут со столбом. Даже повернул его, за конец приподнял,— сухой, еловый, заманчивый, забористый. Эх, мол, была не была, а сопру, обязательно сопру, пропаду, а сопру. В эту же ночь я, значит, запрег кобылу в телегу и этот столб окаянный домой привез и с большим удовольствием вставил куда надо, по части производства ремонта, на случай полного спокойствия. Да только опять этого ничего не вышло! Ей-богу, чистая беда с этим столбом!

Когда, значит, потерялся этот столб, то подозрение злодейства пало на Митьку-Рябчика, а Рябчик отвертелся и показал на Федьку из Кисловки. Федька — на Машкину постройку. Машка — на свата Ефремыча. Вот и пошло колесом.

А кругом, конечно, идет такое производство строительства, что и сам чорт запутается в бревнах. Где тут найдешь пропащий телеграфный столб? Только как в газетке напечатали о позорном воровстве телеграфных столбов, бессознательных разрушителей нашей пролетарской техники,— не стерпел я. Совесть замучила! Спать перестал. Уваженье к себе потерял. Опять задумался, заскучал.

И вот, граждане - судьи законных дел, сознался, покаялся я в краже столба этого окаянного. Вставил позорно его в стенку и теперь глядеть не могу на него без сожаления. Готов последнюю кобылу отдать за штраф, лишь бы не видеть этого ужасного столба. Что мне сейчас делать — присудите сами по справедливости, а меня избавьте от этого телеграфного злодейства. Измучился я до основания, да и баба жучит меня день и ночь!

Василий Каменский

НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

На некоторых заводах устраиваются суды над папиросой.

Из газет.

Рис. И. Малютина

— А где же обвиняемая?
— **Выкурили!..**

ПЕДАНТ

Разговор в кондитерской.

— Есть у вас печение в форме букв?

— Пожалуйста. Вот целая корзина.

Покупатель роется в корзине.

— Я не нахожу здесь.

— Чего, гражданин?

— Буквы Г.

— Это, ведь, все из одного теста. На вкус совершенно одинаковое печение.

— Нет, не говорите. Мне нужно Г. Можете мне его приготовить? Большое Г.

— Можно. Завтра!

— Это поздно. Я готов уплатить вам двойную цену, если бы вы приготовили мне эту букву через час!

Кондитерская была частная. Хозяин принял заказ.

Ровно через час заказчик является:

— Готово?

— Есть!

— Дайте взглянуть. Очень хорошо. Большое Г. Моя фамилия Гаврилов.

— Очень приятно.

— Великолепное Г!

— Прикажете завернуть в коробку

— Нет, зачем же? Я с'ем это печение здесь же, сейчас!

Д. М.

НА РАССВЕТЕ

Я помню... ночь кончалась...
Как-будто таял дым!
О, как она смеялась
Рассветом голубым!

(В день об'явления подписки на 1928 г. на „Смехач“ с бесплатными приложениями „Смехач на дому“.)

— Люблю я соки ягод,
С икрой люблю калач,
Тебя ж зато, что на год
Ты выписал „Смехач“!

(Цена за год на „Смехач“ с бесплатным приложением 12 книжек „Смехач на дому“—6 рублей.)

И я присел на кочку
За неименьем гор:
— Я выписал в рассрочку
Один ведь коленкор!

(Допускается рассрочка: на 6 мес.—3 р. 20 к., на 3 мес.—1 р. 70 к., на 1 м.—60 к.)

И заплясали тени...
И что-то крикнул грач...
И думал я о Вене,
Где запрещен „Смехач“...

(По нашим сведениям, „Смехач“ проникает и за границу по двойной цене.)

А ночь давно кончалась...
Москва то или Крым?
Подписчица смеялась
Рассветом голубым...

(Повидимому, „он“ принес ей пробные экземпляры журнала... Цена 15 к.)

Будь даже я Коперник,
А не районный врач —
Тебе я не соперник,
О, солнечный „Смехач“!

(Не солнечный, а еженедельный... Цена отдельного номера 15 коп.)

ДЕВУШКА С УЛЫБКОЙ

Вверху по синему небу плыли облака...

По платформе в ожидании поезда шагали люди...

С улицы доносился шум трамваев, автомобилей, мотоциклетов...

Вдруг воздух изрезал храп, стон, лязганье и свист...

Молниеносно вырастая, у платформы завизжал и остановился поезд.

Несколько десятков людей, суетливо толкаясь около вагонных лестниц, прошли наконец на свои места.

Неизвестная девушка, кутаясь в ласковый оренбургский платок, шепнула юноше с порт-пледом, задержавшемуся на площадке:

— Жора! Ты не забудешь?

— Нет, я люблю тебя!

— Адрес записал?

— Он у меня выжжен в мозгу!..

— А деньги ты не потерял?

— Не волнуйся, деньги зашиты в фуфайке..

— Но успокой меня все-таки, повтори свое обещание...

— Повторяю: „Немедленно по приезде в Москву надо отправиться на Солянку 12—в контору „Смехача“, внести 6 рублей за год, а если в дороге понадобятся деньги, то истратить часть этих денег (так как допускается рассрочка) и выписать тебе твой любимый журнал „СМЕХАЧ“ с его новым бесплатным приложением—12 книжек в год—„Смехач на дому“.

Она нежно взглянула на юношу с порт-пледом и улыбнулась:

— В нашем глухом углу —„Смехач“ единственная моя радость и утешение!..

— Я ревную...— погрозил пальцем юноша с порт-пледом.

Но девушка не услышала его слов, потому что поезд уже давно удалялся, торопливо разбрасывая молочные пары, точно спеша доставить юношу с порт-пледом в Москву, в великолепную Москву, где „Гудок“, Художественный театр, Третьяковская галлерея и где Дворец Труда, в палатах которого жизнерадостные экспедиторы и кассиры „Смехача“ охотно, без всякой волокиты и без доклада, принимают подписку на этот **веселый еженедельный** многокрасочный журнал с бесплатными приложениями 12 книжек „СМЕХАЧ НА ДОМУ“.

Тебе посчастливилось, неизвестная девушка! Твой молодой друг с порт-пледом во-время внес подписную плату, и „Смехач“ будет неразлучен с тобой втечении всего 1928 года!

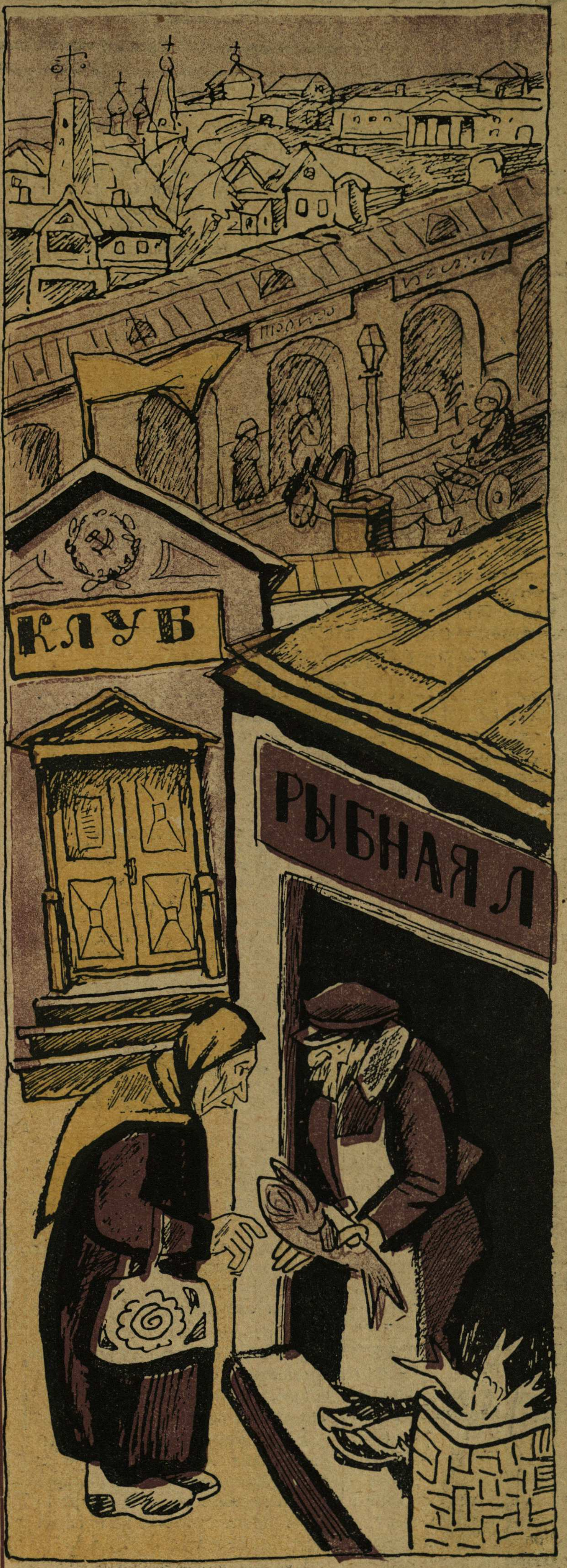
О! с сегодняшнего дня „Смехач“ полюбил твой немеркнущий лик — ясный, нежный лик своей постоянной подписчицы!..

Да не сойдет с этого незаурядного лика здоровая ослепительная улыбка втечении всего подписного года!

Фет

СОННОЕ ЦАРСТВО

Рис. А. Радакова.

— Что это, милый, у тебя вся рыба сонная?
— Как же ей не заснуть, рядом-то — клуб?

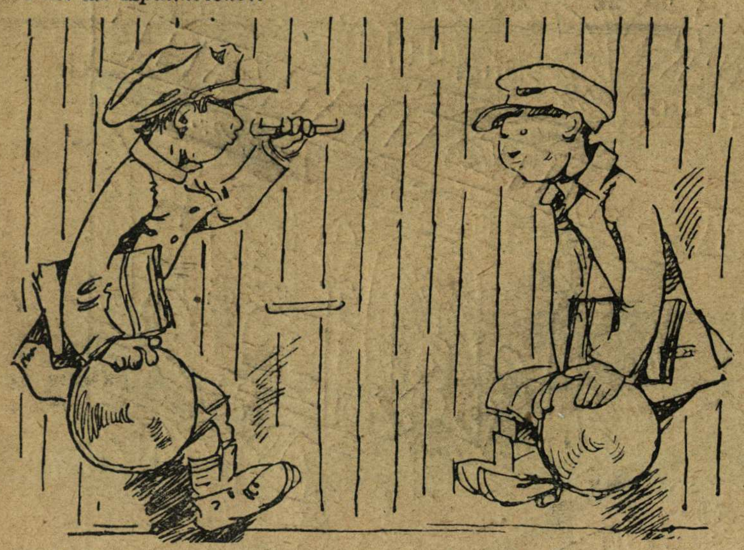
СМЕХАЧ НА РЕЛЬСАХ

Декабрь 1927 г. | Еженедельный сатирический железно-дорожный журнал | № 25

КОРНИ УЧЕНИЯ ГОРЬКИ

Часто ученикам из-за несвоевременной выдачи билетов приходится ездить зайцами. *„Гудок“*

Рис. М. Храпковского

— Трудно теперь учиться.
— А что? Учитель придирается?
— Да нет! Приходится фаб-зайцем ездить!

СРЕДСТВО ОТ ВОРОВ

Кражи на Ср.-Азиатской дороге приняли катастрофический характер. В целях борьбы с этим явлением эксперты-специалисты признали желательным ставить в вагонные фонари небольшие огарки. Света хватает только на то время, пока пассажиры укладываются спать. Затем вагоны погружаются на всю ночь в темноту.

Огнем наживы блещут взоры...
Перечитав заметку ту,
Хитро в усы смеются воры,
Благословляя темноту.

Огонь свечи потух, мигая...
Не понимаю ни аза!
Настала темнота такая
Вокруг, хоть выколи глаза!

Прислушиваюсь непрестанно.
Все перепуталось в уме.
Свои четыре чемодана
Я потерял в кромешной тьме.

Ждут воры наступленья ночи.
Они усердствуют весьма:
Лишь были-б свечи покороче,
Чтобы скорей настала тьма!

И мыслит так желдорворишка:
— „Ура! Сегодня праздник мой!
Меня теперь не словят! Крышка!
Со мной бороться будут тьмой!“

Терпеть нам от воров придется!
Тьма против вора! Мудрено!
Так могут с воровством бороться
Лишь те в чьих головах темно!

Всех-Давишь

УГОЛОК САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПОРОСЕНОК

Вагон дачного поезда набит битком.

Входит контроль.

— Приготовьте билеты!

Руки пассажиров потянулись в карманы. Все смолкает. Но вдруг тишина нарушается визгливым воем.

— Чья собака?— спрашивает контролер.

Молчание.

— Твоя, бабушка?

Контролер наклоняется к старушке, сидящей в углу скамьи.

— Что ты, батюшка? Зачем мне собака?— пугается старуха.

Контролер ищет. Лезет под лавку и выволакивает оттуда мешок. В мешке бешено бьется живое существо.

— Чей этот мешок, граждане?

— Мой, батюшка,— сознается старуха.

— А в мешке что?

— Поросенок.

— Билет поросячий имеете?

— Нет.

— Плати штраф, вредная старушка. Исполняй правила.

— Ах, грех какой. А я и не знала.

* * *

После продолжительных пререканий старушка уплачивает штраф. Контролеры ушли.

— Вот, сатана,— ворчит старуха,— на сколько наказал меня. Лучше бы не покупала.

Она поднимает мешок и с досадой швыряет его под лавку.

Вагон оглашается бешеным визгом. Старушка вслушивается в визг и постепенно бледнеет.

Потом проворно развязывает мешок и, запустив руку, вытаскивает небольшого черненького щенка.

— Господи Иисусе! Собака! Да откуда она? Тьфу! Оборотень!..

Вагон оглашается гомерическим смехом. Дрожат стекла.

— А ты где, бабушка, поросенка-то покупала?

— На Сухаревке, милые. Десять рублей, как одну копеечку заплатила. Породистый поросенок был... Иоркширский, купцы сказывали, то бишь, лягавый.

— Ну, бабушка, молитесь богу. Обманули вас ваши купцы. Не тот мешок дали. С поросенком себе оставили, а со щенком вам подсунули.

— Ах, я старая дура! Что старику скажу?

— Ничего, бабушка. Через год будет хорошая собака.

— На кой пес она мне сдалась! — досадливо кричит старуха, вываливая щенка из мешка.

Зрячий

Чугунное Заседание

Если нужно какого-нибудь гражданина научить чистоплотности, то нет никакой надобности бросать его в море, предварительно привязав к ноге чугунное ядро пудов в десять.

Так гражданин чистоплотности не научится. А утонет уж обязательно.

В Славянске Донецких дорог, однако, делают именно так.

К ногам гражданина привязывают полдюжины полупудовых фонарей Бендера, бросают его в реку, требуя к тому же, чтобы бедняга, лежа на дне речном, вопил время от времени:

— Слушали и постановили!

Авторитеты утверждают, что утопленник может, если пожелает, остаться при особом мнении, но ему-то от этого ведь не легче.

Итак, в октябре в Славянске собрали грандиозное совещание. Могучий протокол начинался такими словами:

„Протокол технического совещания руководителей участков совместно с представителями союза, членами союза и общественных организаций“.

Всех созвали, только о представителях Академии Наук и корпорации мозольных операторов забыли. А то и их можно было пригласить для комплекта. Еще больше людей было бы!

Совещание началось в 18 часов, а конец ему был в три часа утром.

Так как совещались о рационализации на транспорте, то заседание продолжалось всего лишь 12 часов. И правильно! Когда соберутся говорить о рационализации заседаний, то пожалуй и все сутки просидят.

Повестка дня была самая роскошная и изобильная.

Доклад ТЧ. Доклад ВЧ.
Доклад ДС. Доклад МЧ.

А чтобы не заскучали заседающие, был еще доклад ШЧ и докладец ПЧ.

Ясное дело, шестью докладами напитать членов совещания невозможно. Поэтому в повестке красовался еще пункт об организации районного бюро, обсуждение приказа НКПС и текущие дела.

Сидели и говорили. Говорили и сидели. Но ни в том, ни в другом случае не думали над тем, можно ли на таком нерациональном совещании слушать доклады о рационализации?

Мы взяли на себя труд подумать об этом и пришли вот к какому выводу:

— Представители участков может быть еще и придут на следующее совещание, но увидеть там членов союза и представителей общественных организаций будет невозможно.

Они, дорогие товарищи, прочно лежат на дне морском, удерживаемые там тяжелым грузом шести пространных докладов.

Они утонули! Их хотели научить рационализации и нечаянно утопили.

Пусть эти невинные жертвы совещания будут укором и уроком всем работающим над рационализацией на транспорте!

Прохожий

СМЕХАЧ УСКОРЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ САТИРИЧЕСКАЯ Ж.-Д. ГАЗЕТА

В КАЖДОМ НОМЕРЕ „СМЕХАЧА-УСКОРЕННОГО“:
Телеграммы ● Хроника ● Спорт ● Маленький фельетон ● Виды на погоду ● Наука и техника ● Суд и быт ● Происшествия ● Радиопередача ● Наши загадки ● Смесь.
Все — на темы из быта железнодорожников!

СИМФОНИЧЕСКИЙ МАТ
На 8 стрелочников 2 рожка
Кошмарная гибель кассира
ОТДЕЛ СБОРОВ И СОБАКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИКИТЫ РЯБЧИКА

Декабрь 1927 г. **Адрес редакции: Москва, Тверская, 28, „Смехач“.** **№ 25**

ТЕЛЕГРАММЫ

АКТИВ УВЕЛИЧИЛСЯ
Счастливый полтинник
КАЗАНСКАЯ МЕДИЦИНА

ОЖИВЛЕНИЕ КРУЖКОВОЙ РАБОТЫ

Поклевская, Пермской (ТАСУ). Члены союза усиленно предались кружковой работе. Собравшись в кружок, члены союза прилежно занимаются игрой в карты, горбача и лото. Организована группа для игры в орлянку. Не удается только собрать группу для посещения общих собраний.

НА СТАРЫХ РЕЛЬСАХ

Р.-Уральская дорога (ТАСУ). За обнаружение лопнувшего рельса выдается награда в 50 копеек. Население полосы отчуждения теряется в догадках. Если обнаружение рельса дело важное, то почему же такая жалкая награда? Если же это дело незначительное, то зачем разбрасывать полтинники?

БОЛЬНИЦА И РОЖОК

Патрикеево, Казанской. Опасность заразы увеличивается. На 8 стрелочников имеется два сигнальных рожка. Переходя изо рта в рот, рожки могут подарить стрелочникам болезни самого замысловатого свойства. Придется на станции либо больницу строить, либо рожки прислать. Больница, ясное дело, дешевле.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

специальный (увеличенный) номер **„Смехача на рельсах“** и **„Смехача-Ускоренного“**, посвященный десятилетию союза железно-дорожников.

ТЕАТР И МУЗЫКА

Святое искусство

В ж. д. клубе ст. Краснодар был устроен вечер в пользу Осоавиахима.

Сперва — театр.

Потом — музыка.

Музыка отличалась необыкновенной выразительностью. Мелодичный звон бутылок сопровождался чисто симфоническим матом и другими менее музыкальными ругательствами.

Зрелище закончилось массовой пантомимой. Живые картины отличались прелестной живописностью и проделывались под углом в 40 градусов.

Артисты отделались тяжелыми ушибами и поранениями.

Публика отделалась испугом.

Правление клуба пока еще, к сожалению, ничем не отделалось.

Г.

НАШИ ЗАГАДКИ

1.

8 октября с тов. Константинова за провоз собаки в поезде № 9 от ст. Брянск, МКВ, до ст. Брасово было взыскано 30 (тридцать) копеек.

2.

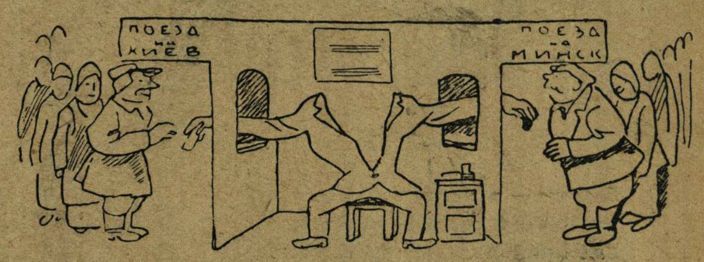
9 октября с того же товарища за провоз той же собаки от ст. Брасово до ст. Брянск было взыскано 70 (семьдесят) копеек.

3.

Для сведения лиц, желающих поскорее разрешить указанную загадку: Первая квитанция — № 043317.

Вторая квитанция — № 223381 (приложение: квитанция о взыскании попудного сбора на ст. Брасово — 246107).

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ

Подробности кошмарной гибели кассира ст. Бахмач, МКВ до сих пор живы в памяти местного населения.

Погиб кассир в 13 ч 34 мин., продавая одновременно билеты в двух кассах на два, одновременно уходящих поезда (в Киев и Минск).

Кассир разорвался пополам. Левая рука и левая нога ринулись к одному окошечку, а правые конечности — к другому. Голова совсем затерялась и после долгих поисков была обнаружена возле компостера.

Розыски виновников гибели несчастного кассира ведутся усиленным темпом.

ГДЕ-ЖЕ ПОТОК ПАССАЖИРОВ?

Контролер начал:

— Товарищи бригада,— заявил он.—Предстоит жаркое дело. Сегодня, 14 октября, большой праздник в Мцхете, по сему по родной Закавказской пущены 3 пары специальных поездов. И как наш поезд является одним из них, то...

— Смотри в оба и хватай зайцев за что попало!— закричала бригада дороги.

Фонарь качнулся и вспыхнул ослепительным светом.

— Ваши билеттты!— пропел контролер, жадно щелкая щипцами.

Играющий свет фонаря осветил отделение. Оно было пусто. Второе отделение тоже было пусто. Третье, четвертое и пятое ничем не отличались от второго.

— Идем в следующий вагон! — захрипел контролер.— Не может быть!

Все может быть! Второй вагон тоже был пуст. В третьем вагоне нашелся один захудалый пассажир.

— В следующий вагон! Никого? В следующий! Никого? Что за наваждение!

Это было не наваждение. В поезде, рассчитанном на 460 человек, нашлось только 15 платных и 8 бесплатных пассажиров.

— Что за наваждение?— спросит и читатель.— А как-же праздник? Где же поток пассажиров?

Был-бы, да Закавказская, пустив 3 пары специальных поездов, не дала об этом публикацию в газете. Остальное—ясно. Вся дневная выручка равнялась... 25 рублям!

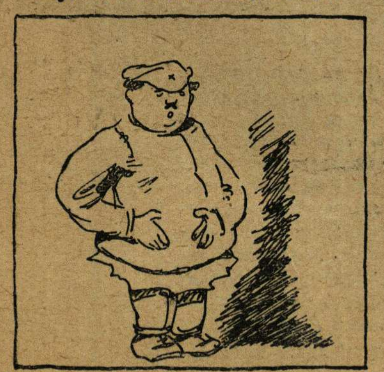
А. Стришко

=25 руб.

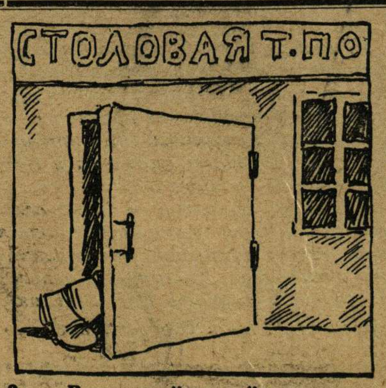
В ПОГОНЕ ЗА ЖАЛКНИГОЙ
(Окончание)

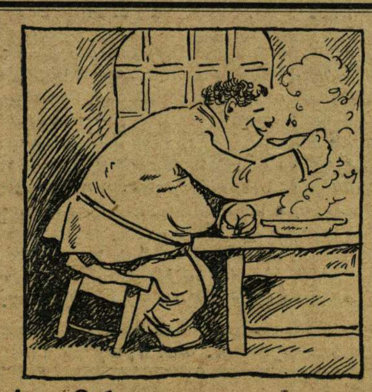
1. — От книги только корешок! Ну, что же? Напишу в „Гудок“!

2. — Но чтоб не чувствовать усталость, Перекусить я должен малость!

3. — В столовой нашей закушу,— В „Гудок“ заметку напишу.

4. — Рабкора хлесткого почище, Пишу о тараканах в пище!..

5. Что это?! Зрения обман?! Он видит в супе—таракан!!!

Главлит № А—2060. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

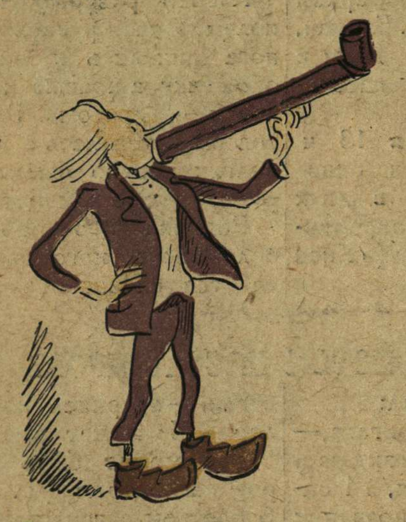
ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН, КАК ТАКОВОЙ

Рис. Б. Антоновского

Текст М. Пустынина

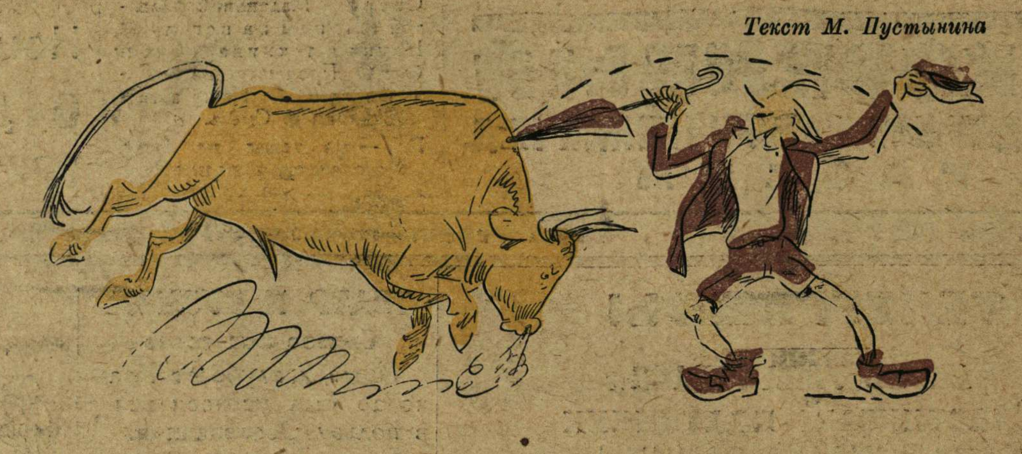

Евлаша — приключатель лютый:
То балерина, то — пилот.
Евлампий Надькин ни минуты
Без приключений не живет.

Он оператор и оратор,
(В нем тысяча один талант!)
Столяр, актер, ассенизатор,
Поэт, портной и музыкант.

Не гаснет в приключенья вера.
Что ни минута — новый фронт.
Ему не надо револьвера,
Его оружье — верный зонт.

Торреадор, изобретатель,
То — зверобой, то китолов,
Он — перманентный приключатель,
Всегда и юн, и свеж, и нов!

Не упускает ни момента
Сей вечно вдохновенный муж:
Сегодня утром он в Сорренто,
А ночью прет в Дорогобуж.

Нет темпераментнее жеста!
Нет бурнопламеннее дел
Был запечен однажды в тесто
И вышел он оттуда цел.

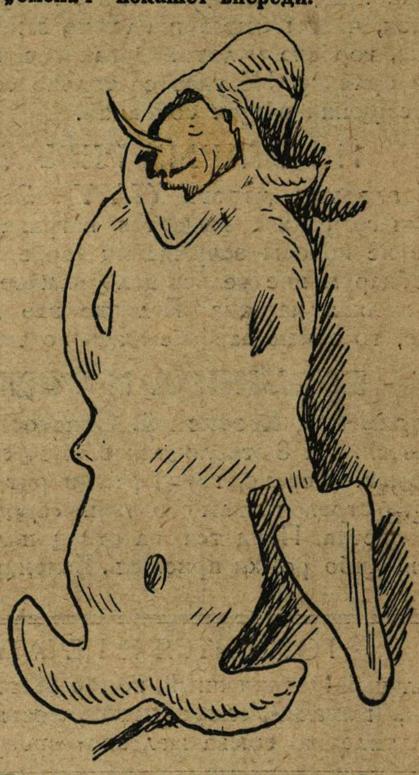
Всему на удивленье люду
(Девиз Евлампия: „Скорей!“),
Евлаша побывал повсюду:
На высях гор, на дне морей.

Спешит Евлаша вдохновенно —
Должно быть дело на мази! —
То на прием у Чемберлена,
То на банкет у де-Монзи.

То архитектор, то ваятель,—
Он с жизнью косной лезет в бой,
Гипнотизер, шпагоглотатель,
Хирург, философ и ковбой!

Люд ленинградский и московский
Смешней не видел чудаков.
Рисунки шпарит Антоновский,
А текст — Пустынин иль Прутков.

...Но много жарких увлечений
Еще у Надькина в груди.
И много разных приключений
„Смехач“ покажет впереди.

Читатель, шутку ценишь нашу?
В кубышку деньги ты не прячь —
И если любишь ты Евлашу,
То подпишися на „Смехач“!..

ПИСЬМО МАТИЛЬДЫ НАДЬКИНОЙ В РЕДАКЦИЮ „СМЕХАЧА“

Сознанье, что писать могу, зародилось во мне, когда я купила канарейку и стала писать расходы канарейкина кушанья. Мвжду прочим за зерном очередь, я стою, и канарейка не поет, пока не покушает. Я послала Вам дневник канарейки, как-будто бы написала канарейка. А это я написала, догадавшись за канарейку, что ее на свете удивляет, и видно, что она, канарейка, развитая и не махнула рукой на житейские заковыки. А мне ответили про мое канарейкино сочинение, что недостаточно художественно. На художества всякие мы не способны. Пишите сами, а я буду в роде за редактора, который мой муж, Евлампий Карпович Надькин, Ваших совершенно бесплатных приложений „СМЕХАЧ НА ДОМУ“.

Я, между прочим, даром бы людям их не давала, хотя и подписчики, а то зазнаются и зафорсят. Но это Ваше дело. Словом, мы с Евлампием двенадцать книжек сварганим, имея много лет опыта, чтоб принести пользу и нужное понятие мужчинам и женщинам. Мы напишем предисловие, реестры, описания, подробные указания и прочие сведения, как и что кушать, как заочно зарабатывать деньги, как, например, разные фокусы показывать и на велосипеде ехать в кинематограф. Нам не нужна всенародная слава, но все-таки завтра приду подписать контракт, чтобы получка выдавалась аккуратно. Евлампий Карпыч кланяется, ему некогда.

Соприветствую Вас и желаю Матильда Надькина.

От ред. Сегодня договор с Матильдой Надькиной редакцией „Смехача“ подписан. Возврата нет! По условию Матильда Надькина обязана дать фотографию для журнала. Фотограф на с'емку выехал.